

Сухов Н.И.

Междисциплинарные контакты психологии и литературоведения весьма оживлённы и продуктивны. В этом аспекте весьма значительный интерес представляет собой психология литературы разрабатывавшаяся Бобровым и его единомышленниками. Традиции психологического анализа литературы, заложенные Бобровым ещё в Юрьевском и Казанском университетах продолжил его ученик Н.Н. Сретенский в Донском, затем Северокавказском университете. Эти традиции, даже несмотря на громадные исторические затруднения для их развития они дожили почти до нашего времени преимущественно посредством донского чеховедения.

Ключевые слова: психология литературы, Бобров, Сретенский, Громов, психолого-литературный синтез, история психологии, Донской (Северокавказский, Ростовский) университет.

Междисциплинарные контакты психологии и литературоведения весьма оживлённы и продуктивны. В этом аспекте весьма значительный интерес представляет собой психология литературы, разрабатывавшаяся Бобровым и его единомышленниками.

До того как мы перейдём к описанию развития психологии литературы в школе Боброва, кратко остановимся на самом понятии школы. Дадим краткую характеристику этого определения в современном науковедении. Как видно из обзора разнообразных подходов к определению понятия научная школа, среди учёных науковедов нет единого мнения относительно того, какими характеристиками должно обладать сообщество ученых, чтобы именоваться школой. Но всё же можно попытаться выделить ряд признаков, наличие которых, по мнению большинства учёных, необходимо для формирования научной школы.

Первый из этих признаков – наличие идейного лидера школы. Как правило, это выдающийся учёный, создавший свою оригинальную научную теорию. О.Ю. Грезнева отмечает, что системообразующим элементом (научной школы) является личность учителя, основателя школы [3]. Р.А. Фандо утверждает, что с появлением лидера, обладающего широким спектром качеств для формирования научного направления, и коллектива, способного к развитию основополагающих идей, возникает научная школа [10]. Д. Зербино предполагает, что при появлении неординарной личности – научного лидера и, естественно, при хотя бы минимально

благоприятных условиях может сформироваться научная школа. Она, как правило, растёт медленно, «созревая» постепенно – если есть способные ученики, актуальный объект исследований и материальные возможности. Родиться внезапно она не может. Первое условие ее возникновения – наличие крупной личности, истинного ученого-экстраверта [6]. Б.М. Кедров так характеризует роль лидера научной школы: «Особая роль в развитии научных коммуникаций отводилась руководителю научной школы: именно в рамках научной школы молодые исследователи под руководством лидера разрабатывают программу, поддерживая тесное общение как друг с другом, так и через учителя с остальным миром» [7].

Вторым признаком, по мнению ряда учёных, [4, 5, 9] является производство научной школой текстов. Индекс цитируемости работ является сегодня одним из основных показателей авторитетности учёного в научном сообществе. Особенно актуально наличие научных трудов, протоколов заседаний кафедр, статей, заметок и других письменных продуктов деятельности школы становится в том случае если она уже распалась, а учёных в неё входивших уже нет в живых. Третий признак это – наличие у организатора школы учеников, которые передают научные традиции последующим поколениям учёных.

Прежде чем описывать психологию литературы в рамках научного сообщества, объединившегося вокруг личности Евгения Александровича Боброва, необходимо сказать несколько слов о личности

самого Боброва и его учеников. Тем более что личность этого неординарного учёного сегодня незаслуженно предана забвению за грехи времён гражданской войны. Бобров – крупный учёный с энциклопедическими познаниями в философии, психологии, лингвистике, педагогике, литературоведении. Родился Бобров 24 января 1867 г. в семье рижского землемера. С 1885 г. он учился в Юрьевском университете, где был учеником Густава Тейхмюллера. В 1890 г. окончил университет со степенью кандидата по философскому и филологическому отделениям. С 1894 г. Бобровым читались лекции по русской словесности при Юрьевском ветеринарном институте. С 1896 г. в должности экстраординарного профессора он преподаёт в Казанском университете. Здесь он читает разнообразные курсы по психологии, логике, педагогике, философии и, помимо всего прочего, организует студенческий философский кружок, в котором занимались два самых видных его ученика Иван Иванович Ягодинский и Николай Николаевич Сретенский. В 1903 г. Бобров переходит со званием экстраординарного профессора на кафедру философии в Варшавский университет. Вслед за ним переезжают Сретенский и Ягодинский. Здесь они создают кабинет психологии и педагогики, которым Бобров заведует вплоть до 1920 г. За всё время своей научной деятельности Бобров написал более трёхсот научных трудов. Созданное Бобровым научное сообщество объединило его коллег и единомышленников и нашло себе пристанище в 1915 г. в Ростовской эвакуации.

Сам Бобров ещё до расформирования СКГУ, с 1927 г., вёл семинарий повышенного (научно-исследовательского) типа по истории литературы. Семинарий начал работу 23 января. За первые семь месяцев его работы было проведено 25 заседаний, было сделано 36 докладов. Целью работы семинария являлось научное исследование историко-литературных проблем в свете социологического метода. Работы по формальному методу, а также и по методу «форсоца», как противоречащие интересам науки истории, не допускались. Тематика докладов была чрезвычайно широка. Среди прочих были представлены доклады о Гесиоде, Софокле, Шиллере, Гёте, Золя, Помяловском, Левитове, Достоевском. С докладом о пролетарском творчестве выступал ректор СКГУ Л.М. Ефремов. По общим вопросам литературоведения выступал на семинарии и тогда уже профессор Сретенский [1].

Отдельно стоит отметить четырёхтомное исследование «Литература и просвещение в России», в котором Бобров анализирует рукописи В.Г. Белинского, А.И. Полежаева, П.П. Шкляревского и других авторов. Часть из этих рукописей принадлежала

лично Е.А. Боброву. Он был страстным коллекционером древних изданий. Свою личную библиотеку в 18000 томов Бобров передал в дар университету в 1926 г. [2].

Долгое время Бобров вёл переписку с Б.Л. Модзалевским (одним из основателей Пушкинского Дома) и написал несколько биографических работ о пребывании Пушкина на Волге.

Литературоведческую традицию в школе после Боброва продолжил Н.Н. Сретенский (1889 – год смерти неизвестен). Н.Н. Сретенский учился в Казанском университете на историко-филологическом факультете. С 1916 г. Сретенский читает курс психологии на историко-филологическом факультете Варшавского университета. Первые научные труды Н.Н. Сретенского посвящены анализу философских систем Декарта и Лейбница. Свою научную и преподавательскую деятельность, после закрытия историко-философского факультета в 1930 г., Сретенский продолжил в Ростовском государственном педагогическом университете. Здесь он возглавлял кафедру зарубежной литературы. Он преподавал историю западной литературы в Педагогическом институте вплоть до 50-х гг. В 1938–1939 гг. в Ростове начинает свою работу Шекспировский кружок под руководством профессора Сретенского. Организован он был при Шекспировском кабинете областного отделения Всероссийского театрального общества в ноябре 1938 г. Кружок должен был объединить студентов и театральных работников, заинтересованных в систематическом изучении творчества Шекспира. Ещё до начала официальных заседаний кружок принял активное участие в работе театра им. Горького во время постановки «Укрощения строптивой». С кружком тесно сотрудничал известный столичный актёр Ю.А. Завадский. Вместе с ним участники кружка обсуждали постановки. «Кружковцы» принимали активное участие в организации юбилейных дней Шекспира в Ростове. В частности, 6 апреля Сретенским была проведена публичная лекция в физическом корпусе Пединститута.

Наиболее яркий след в отечественном литературоведении школа Боброва оставила посредством влияния на первых донских чеховедов психолого-философской мысли Боброва, его академической уравновешенности, склонности к классическому психологическому анализу текста. Здесь речь пойдёт о Леониде Петровиче Громове. Чеховед с мировым именем был учеником Н.Н. Сретенского. Громов участвовал в работе Шекспировского кружка и семинария по стилистике и поэтике, который проводил его учитель в стенах Педагогического Института. О данном семинарии, который во многом раскрывает суть психолого-литературоведческого

синтеза развиваемого в рамках школы Боброва речь и пойдёт далее.

Кроме общественно просветительской деятельности, Сретенский читал разнообразные курсы по истории русской и зарубежной литературы. Свою методологическую позицию он противопоставляет антипсихологизму формальной школы и характеризует её так: «Я лично отнюдь не сторонник «формализма» в духе ленинградской школы Эйхенбаума и В. Шкловского. Их заявления, что искусство исключительно «живёт на основе сплетения и противопоставления своих традиций», что «никакой причинной связи ни с «жизнью», ни с «темпераментом» или «психологией» оно не имеет», – всё это, конечно, затейливые парадоксальные лозунги с кокетливыми претензиями на неисчерпаемую оригинальность и новизну такого критического «остранения» литературы. Такие лозунги грозят завести искусствоведа в пустыню головоломных и вымученных схем, а целое литературного развития – как исторический процесс – оставить «на холостом ходу». В противовес исключительности такого толкования формального метода каждый трезвый наблюдатель скажет, что конечную и важнейшую цель работы, производимой при посредстве всех приёмов объективного изучения художественного материала, составляет рассмотрение, по выражению Н.И. Бухарина, «общественно-функционального смысла литературы». Семинарий преследовал три основных цели: «Прежде всего, хотелось дать исподволь вырастающее впечатление смены литературного языка, т. е. лексического материала и соответствующих стилистических и поэтических приёмов обработки его. Далее, желательно было не утратить из виду смены преобладающих сюжетов в их социальной мотивировке и соответствующей авторской идеологии на фоне общественно-исторического развития. И, наконец, было важно привести участников семинария хотя бы к самому общему представлению о «диалектике» литературных эпох и направлений, поскольку последняя главным образом выражалась в колебаниях равнодействующей двух сил: а) революционных порывов к новой форме и б) усвоения прежних литературных традиций – при непрерывной смене сюжетной стихии [8].

Итоги деятельности семинария Сретенский характеризует следующим образом.

Литература наших дней связана неизбежно и прочною преемственностью форм с истоками литературы классиков и типовые, напр., различия художественной манеры Пушкина и Гоголя ещё сейчас – *mutatis mutandis* – с большею или меньшею ощутимостью характеризуют современных писателей «попутчиков» и писателей пролетарского

лагеря (стоит сравнить, с одной стороны Сейфулину, Вс. Иванова, Неверова, Ляшко, и, с другой, Леонова, Замятина, Серафимовича, Малышкина), кривая развития русской художественной прозы знает чередование типических моментов одностороннего «перерастания» головного начала, идейной тематики, за счёт ослабленного интереса к форме (народническая и вообще «передвижническая» беллетристика конца XIX в. или, также, первые незатейливые побеги пролетарского эпоса) и моменты обратного «перерастания» формы с идеологической ущербностью (художественная проза символистов и декадентов, отчасти «серапионовцы»). Высоты гармоничного сочетания богатой формы и веского социального содержания отмечены именами Гоголя, позднее Достоевского, Толстого и Лескова, на рубеже XX в. именами Чехова и Горького; приближение к устойчивому равновесию художественного концепта обещают и наиболее талантливые послеоктябрьские писатели: Сейфуллина, Бабель, Ляшко, Леонов), сравнительное изучение образцов русской художественной прозы показывает, что за вековой период имел место заметный рост экспликативных художественных приёмов, утончение их, социально обусловленный сдвиг словаря и самой речевой ритмики и интонаций, смена и расширение сюжетного репертуара. И всё же в качестве пожелания для современного литературного «молодняка» должно назвать не «новаторство ради новаторства» (*an und fur sich*), – равно и не литературный пессимизм! – а творческое ускорение и переработку лучших даров литературного прошлого с неременной установкой мысли и манеры речи на способности восприятия, здоровье, свежие вкусы и запросы новых читательских кругов. А поскольку эти круги расходятся до пределов широкой трудовой массы, восходящей сейчас по лестнице культуры, писатель-общественник (а не узкий сектант, и не чудачествующий отщепенец) не может не держать курса на простоту стиля и на возможно большую экономию художественно-выразительных средств, ибо (вспоминается Л. Толстой!) величие и красота только там, где есть простота и правда [8].

Сретенский выступает здесь наиболее активным продолжателем литературно-психологических и философско-эстетических изысканий начатых Бобровым до революции. Мы видим, что несмотря на громадные исторические затруднения для их развития они дожили почти до нашего времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобров Е.А. Семинарий повышенного научно-исследовательского уровня по истории литературы // Известия Северо-Кавказского государственного университета. – 1928. – Т. 3 (16). – С. 18–69.

2. Государственный архив ростовской области. ФР-46. О 1. Д 197. Л 22.
3. Грезнева О.Ю. Научные школы (педагогический аспект). – М., 2003. – 69 с.
4. Гузевич Д.Ю. Научная школа как форма деятельности // Вопросы истории естествознания и техники. – 2003. – № 1. – С. 64–93.
5. Жданов Г.Б. Стандарты, развитие и научные школы // Природа. – 1989. – № 10. – С. 79–84.
6. Зербино Д.Д. Научная школа как феномен // Академия наук Украины. – Киев: Наукова думка, 1994. – 136 с.
7. Кедров Б.М. Научная школа и ее руководитель // Школы в науке. – 1977. – С. 300–310.
8. Сретенский Н.Н. Из опыта семинария по стилистике и поэтике // Отдельный оттиск «Известий ДГУ». – Ростов н/Д., 1925. – Т. 6.
9. Ильин Г. Научная школа как социальный институт и педагогический феномен // Высш. образование в России. – 1998. – № 4. – С. 49–50.
10. Фандо Р.А. Пути трансформации феномена «научной школы» // ИИЕТ РАН. Годичная научная конференция 2004 г. – М.: Диполь-Т, 2004. – С. 225–229.